

Научная статья
УДК 82-992.09«14/16»
DOI: 10.37724/RSU.2023.79.2.010

Травелог как источник исследования локального текста (на материале записок иностранных путешественников XV–XVII веков о Рязани)

Анна Анатольевна Решетова

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина,
Рязань, Россия
a.reshetova@365.rsu.edu.ru

Аннотация. Исследование в статье выполнено в рамках регионального литературоведения и нацелено на изучение рязанского текста в иностранных травелогах XV–XVII веков. Локальные тексты, будучи разновидностью сверхтекста, представляют собой значимую часть национальной и региональной культуры, дают представление о топографии и истории конкретного места, его культуре и традициях, сложившемся менталитете местных жителей. Путевые записки авторов-путешественников как материальные свидетельства прошлого имеют непосредственное отношение к важным событиям древнейшей истории Русского государства в целом и Рязанской земли в частности. Жанровая форма травелога, обладающего художественно-документальной основой, не просто представляет литературу факта, а нацелена на «переструктуризацию» пространства, соединяя реалистичность с художественным вымыслом при его литературном воспроизведении. В качестве объекта исследования в статье использованы малоизученные в этом ракурсе путевые сочинения иностранных авторов русского Средневековья, точнее — фрагменты из них, тематически объединенные вокруг Рязанской земли, содержащие ее литературное изображение или отдельные «реплики» о ней. Материалом исследования послужили сочинения XV–XVII веков Иосафата Барбаро, Амвросия Контарини, Сигизмунда фон Герберштейна, Александра Гваньини, Адама Олеария. «Индивидуализация» Рязанской земли в данных иностранных источниках содержится в ее субъективных (порой противоречивых/неопределенных) или, напротив, тенденциозных описаниях с точки зрения «чужого» — приезжего иностранца, воспринимающего иную землю как новый мир, как пространство, чуждое ему по политическому устройству, историческим и этнографическим особенностям, культурным традициям и языку. Локус «Рязань» в них воспринимается разнопланово: как объемная территория в пограничных пределах Руси, как место многочисленных транзитных путей, как княжество, обладающее своей историей, в том числе трагической, потерявшее былое величие и независимость, как город, который позиционируется то как Старая Рязань, то как Переяславль Рязанский. Анализируется и знаковый характер всех реалий, репрезентирующих локус Рязани, и символическое значение ее пространства как пограничья, существующего в особых условиях постоянной опасности, и как некогда сильного противника Московского княжества, который лишился своего могущества. В связи с этим внимание привлекает и хронотопический образ Рязани, позволяющий судить о ней как об особом провинциальном локусе со своей пространственно-временной спецификой, героическими и трагическими страницами в истории Руси.

Ключевые слова: региональное литературоведение, локальный текст, рязанский текст, травелог, путевые записки иностранцев XV–XVII веков, И. Барбаро, А. Контарини, С. Герберштейн, А. Гваньини, А. Олеарий.

Для цитирования: Решетова А. А. Травелог как источник исследования локального текста (на материале записок иностранных путешественников XV–XVII веков о Рязани) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2023. № 2 (79). С. 101–114. DOI: [10.37724/RSU.2023.79.2.010](https://doi.org/10.37724/RSU.2023.79.2.010).

Travelogue as a source for study of local text (based on foreign travelers' notes about Ryazan in the 15th–17th centuries)

Anna Anatolyevna Reshetova

Ryazan State University named for S. A. Yesenin,

Ryazan, Russia

a.reshetova@365.rsu.edu.ru

Abstract. The present research was carried out as study of regional literary criticism, aimed at studying the Ryazan text in foreign travelogues of the 15th–17th centuries. Local texts as groups of supertexts form a significant part of national and regional culture, as they shape our knowledge of the topography and history of a particular area, its culture and traditions, and of the prevailing mentality of the population. Travelers' notes are material evidence of the past, and they are directly related to important events in the history of Old Russian State in general and Ryazan in particular. The genre of the travelogue, which combines artistic and documentary properties, does not simply represent factual writing, as it is aimed at “restructuring” the area of interest, combining realism with imaginative literature. The object of study in the article is travelogues written by foreign travelers in the Russian Middle Ages, little studied in this perspective, or rather, fragments of such travelogues, thematically focused on the Ryazan land and creating its literary image or individual “statements” about the area. The material of the study was drawn from the 15th–17th centuries, and the authors were Giosafat Barbaro, Ambrogio Contarini, Sigismund von Herberstein, Alessandro Guagnini, and Adam Olearius. The “individualization” of the Ryazan land in these foreign sources is rather subjective (sometimes contradictory or vague). Their descriptions may also be biased, as they were drawn by “aliens,” visiting foreigners who perceived the land as a new world, alien to the visitors in terms of its political structure, historical and ethnographic specifics, cultural traditions and language. Here, the locus of Ryazan is perceived in a variety of ways: as a huge territory near the borders of Rus', as a location of numerous transit routes, as a principality with its own history, including some tragic episodes. By then, the principality had lost its former grandeur and autonomy, and the capital city is referred to as Old Ryazan, and then as Pereslavl Ryazansky. They analyze the symbolic nature of the locus of Ryazan and the symbolic meaning of the area as a borderland that lives in conditions of constant danger, and as a formerly strong opponent of the Moscow Principality. In this regard, we focus on the chronotropic image of Ryazan, which makes it possible to estimate it as a special provincial locus with certain spatio-temporal specifics, contributing some heroic and tragic pages to the history of Rus'.

Keywords: regional literary criticism, local text, Ryazan text, travelogue, travelogues of foreigners of the 15th–17th centuries, G. Barbaro, A. Contarini, S. Herberstein, A. Guagnini, A. Olearius.

For citation: Reshetova A. A. Travelogue as a source for study of local text (based on foreign travelers' notes about Ryazan in the 15th–17th centuries). *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2023; 2 (79):101–114. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2023.79.2.010.

Введение

Локальный текст как разновидность сверттекста сосредоточен на художественном воплощении географической, исторической, культурной и мифологической информации о конкретном или условном пространстве. Произведения, посвященные «образам места», локасам, освоенным исторически и культурно, нередко являются важной составляющей не только национальной, но и региональной культуры. А региональное литературоведение подпитывается интересом к многосоставным текстовым образованиям, комплексным феноменам культуры, что в целом характерно для гуманитарного знания последних десятилетий. Будучи одним из динамично развивающихся направлений современной гуманитарной науки, оно методологически опирается на классические труды Н. П. Анциферова, Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова, впервые применивших локально-исторический метод в литературоведении, и концептуальные в этом аспекте работы В. В. Абашева, Н. Е. Меднис, Е. Ш. Галимовой, А. Ю. Сорочана и др., объединенные общим исследовательским посылом: «... каждый локус в своей культурно-исторической жизни генерирует текстуально организованную систему значений — локальный текст» [Абашев, 2000, с. 38]. Комплекс концепций и подходов, открывающий «значительный эвристический потенциал» научной категории «локальный текст», впервые введенной в активный академический обиход В. В. Абашевым, лег в основу научно-методологической составляющей предлагаемой статьи.

Актуализированная в первые десятилетия XXI века востребованность исследований локальных текстов обусловлена пониманием того, что локус как текст позволяет более глубоко познать и интерпретировать литературное произведение или историко-культурный процесс в целом. Также он помогает выявить и проанализировать с позиций нового — территориального — подхода феномен национальной идентификации/самоидентификации, раскрывающийся в локально приуроченных текстовых комплексах. С одной стороны, локальный текст переводит факты местные в разряд национально значимых, а с другой, будучи неотделим от реального географического пространства, дает представление о топографии и истории конкретного места, его культуре и традициях, сложившемся менталитете местных жителей.

При этом, по мнению А. Ю. Сорочана, речь должна идти о намерении исследователя не просто объединить характеристики определенной местности, а изучить «образ места», в том числе в его мифологическом контексте [Сорочан, 2020, с. 6.]. Являясь собирательным, он имеет возможность дополняться новыми смысловыми и эмоциональными коннотациями, в немалой степени почерпнутыми из разножанровых и разновременных литературных произведений. В связи с этим особый интерес вызывает выстраивающийся вокруг избранного пространства (города, региона, местности) комплекс сочинений, объединенных тематически: они представляют собой литературное изображение локуса или содержат отдельные «высказывания» о нем. При этом очевидно, что их ценность — вне зависимости от того, кому принадлежит авторство: местному литератору или даже, в ракурсе нашего исследования, иностранному. Акцентирование внимания на времени их создания, жанровой принадлежности или индивидуально-авторской атрибуции необязательно, хотя дополнительно конкретизирует назначение локального текста, выявляет особенности его функционирования, обозначает исторические перспективы. Обращаем внимание на уточнение семантической связности сверхтекста В. Н. Топоровым: «...кросс-жанровость, кросс-темпоральность, даже кросс-персональность (в отношении авторства) не только не мешают признать некий текст *единым* в принимаемом здесь толковании, но, напротив, помогают этому снятием ограничений как на различие в жанрах, во времени создания текста, в авторах...» (в оригинале вместо курсива — разрядка. — А. Р.) [Топоров, 2003, с. 26].

И еще один значимый аспект изучения локального текста — его взаимодействие с другими литературоведческими категориями в оценке текста/текстовых образований как художественно целого. Его связь с *хронотопом* и *топосом* приводит к анализу комплекса общих мотивов и образных кодов, соответствующих конкретному пространству, и пространственно-временных характеристик, учитывающих локальную семантику. Особый смысл они обретают в сочинениях, концептуально связанных с перемещением в пространстве и во времени. Безусловно, имеем в виду «травелог» — понятие, вошедшее в научный оборот в последние десятилетия и охватившее путевую литературу в ее жанровых вариантах и контаминациях от этапа становления до современности.

Таким образом, понятийный аппарат данного исследования сконцентрирован на локальном тексте как смыслообразующей категории литературного регионоведения, которая способствует раскрытию национальной и региональной идентичности локуса и связана в контексте литературоведческого анализа с понятиями хронотопа и топоса, актуальными для изучения жанра травелога разных столетий. Теоретико-методологическая основа исследования обусловила литературоведческий предмет изучения в данной статье — рязанский текст в иностранных травелогах XV–XVII веков, специфику его семантического наполнения, функционального назначения, жанрового и историко-культурного определения. Объектом исследования обозначен круг путевых сочинений иностранных авторов русского Средневековья, тематически объединенных вокруг Рязанской земли, содержащих ее литературное изображение или отдельные «реплики» о ней.

Основная часть

Рязанский текст как локальная структурно-семантическая категория и сочинения иностранных путешественников XV–XVII веков

Рязанский текст как локальная структурно-семантическая категория изучен не столь явно, как другие территориальные проявления сверхтекста (петербургский, московский, сибирский, северный и др.)¹, хотя, безусловно, были предприняты теоретические и эмпирические его исследования, преимущественно связанные с работами, которые велись в формате литературного краеведения Рязанского края, пространства яркого и значимого в топографо-географическом,

¹ Надо признать, особенностям проявлений рязанского текста в русской культуре и, соответственно, его степени изученности, скорее, созвучны рассуждения В. В. Абашева о литературной судьбе пермского текста [Абашев, 2008, с. 13].

историко-культурном и духовно-мировоззренческом плане [Грачева, Бочаров, Чапышкин, 2012 ; Решетова, 2015, 2016 ; Решетова, Грачева, 2017 ; Рязанский край ... , 2017]. В контексте русской культуры рязанский текст, воссоздаваемый на основе литературных сочинений и литературных «высказываний» о Рязани (имеется в виду не столько городской, сколько более широко — региональный текст), с первых веков своего формирования — от русского Средневековья — по настоящее время опирается на широкий и разнообразный материал. Это и значимые, и малоизвестные страницы в истории литературной культуры Рязанского края, разновременные и разножанровые источники: художественные и художественно-документальные, периодические издания и архивные материалы.

Для регионального литературоведения актуально постоянное расширение источниковедческой базы и наиболее полное выявление и анализ текстовых «реплик», объединенных рязанской тематикой. В рамках такого подхода целесообразно обратиться к исследованию травелогов иностранных авторов-путешественников XV–XVII столетий. Они органично вписываются в древнерусский контекст рязанского текста, который нашел свое воплощение

в летописных сводах XII–XVI веков, в воинском и историческом повествовании XIII–XVI веков (в цикле рязанских повестей о Николе Зарайском и Куликовском цикле), в агиографических повестях Муромо-Рязанского цикла XVI–XVII столетий.

Путевые записки иностранцев, начиная с XV и до конца XVII века, наполнены разнообразными сведениями о Московском государстве — «лесной Московии». Россия в эту эпоху значительно отличалась от Западной Европы, ее пределы посещало немало иностранцев: немцев, голландцев, англичан, итальянцев, шведов. Огромная страна и разные сферы ее жизни (история и политика, культура и религия, быт и традиции, нравы и обычаи), большей частью закрытые для внимания «извне», поражая своими масштабами и национальными особенностями, вызывали неподдельный интерес, становились темой и предметом изображения путевых записок и мемуаров гостей из других государств. Еще В. О. Ключевский отмечал: с одной стороны, из-за длительной отчужденности между Западом и Россией (вплоть до XVIII века) в Европе «распространились и укоренились странные представления» о Русском государстве, с другой — «ни одна европейская страна не была столько раз и так подробно описана путешественниками из Западной Европы, как отдаленная лесная Московия» [Ключевский, 1991, с. 5].

Как свидетельства прошлого, они имеют непосредственное отношение к важным событиям в истории и жизни Русского государства в целом и Рязанской земли в частности. Несмотря на незначительное количество письменных источников — иностранных дорожных текстов с посвящением Рязани, — в них так или иначе прочитывается история княжества, периодически находившегося в состоянии войны или же непросто складывающихся отношений и с московскими, и с владимирскими князьями, подвергавшегося и неоднократно разорениям со стороны Степи, и междоусобным распрям, переживавшего в разные столетия политические интриги и внутренние княжеские раздоры.

Следует заметить, что в силу их специфичности и малой изученности (за исключением фундаментального исторического труда Д. И. Иловайского [Иловайский, 1858]) иностранные травелоги не были полностью введены в научный оборот, хотя именно благодаря интересу иностранцев к Рязани в разные столетия был создан ее особый документально-художественный и символический образ и в исторической ретроспективе, и в пространственной динамике, и в ценностной парадигме. Запечатленная таким образом «индивидуализация земли» состоит в описании внешней точки зрения на нее со стороны «чужого» — приезжего иностранца, который воспринимает иную землю как пространство, чуждое ему по политическому устройству, историческим и культурным традициям и языку. При этом особое внимание обращается на повседневное и очевидное, что русским, в отличие от приезжих гостей, возможно, казалось столь обыденным, что могло и не вызвать никакого интереса.

Круг иностранных записок XV–XVII столетий, так или иначе обращенных к Рязани, включает тексты, созданные большей частью путешественниками, которые посещали Россию с дипломатическими визитами, в связи с посольскими поручениями, поэтому были в рязанских землях проездом, и тем не менее оставили в своих путевых описаниях известия о них (вопрос о конкретных рязанских письменных источниках впервые поднял историк Д. И. Иловайский [Иловайский, 1858]):

1) Прежде всего, одно из первых описаний Московии западноевропейцем — «Путешествие в Тану» конца 80-х годов XV века Иосафата Барбаро, венецианского дипломата и путешественника, содержащее ряд любопытных замечаний по поводу истории и культуры деревянного зодчества

«городка Рязани» (хотя и не без ошибок и путаницы в определении столицы княжества: Рязани / Переяславля Рязанского) [Барбаро, 1836].

2) Далее, безусловно, близкое по времени создания, а также одно из первых описаний русской столицы, быта и нравов москвичей — «Путешествие в Персию» 1487 года Амвросия Контарини, еще одного знатного венецианца-дипломата, бывшего в Москве по возвращении из Персии в Венецию и благосклонно принятого великим князем (через Переяславль Рязанский проезжал в сентябре 1476 года). Немалая часть его «Путешествия» посвящена рассказу о пребывании в Москве; его рязанские фрагменты достаточно лаконичны, информативно скудны и зависимы от повествования Барбаро, хотя при этом не лишены эмоциональности и оценочности суждений, в частности в отношении местных жителей [Контарини, 1836].

Стоит отметить, что путевые известия венецианцев Барбаро и Контарини относятся ко времени упадка Рязанского княжества и значительного сокращения его территории. Большая часть земель, присоединенных еще Олегом Ивановичем Рязанским во второй половине XIV века — в эпоху и могущества, и расцвета княжества, попала в XV столетии под влияние Литовского и Московского княжеств. Под контролем рязанских князей остались только земли, бывшие в их владении еще в домонгольскую эпоху. В середине XV в. правивший с 1427 по 1456 год рязанский князь Иван Федорович (внук князя Олега Ивановича, сын Федора Олеговича и княгини Софьи — сестры великого Московского князя Василия Дмитриевича) признал себя не кем иным, как «младшим братом» московского государя. В конце XV столетия начался процесс перехода к Москве рязанской земли по частям и потери ею независимости, завершившийся к 1520–1521 годам [Зимин, 1972, с. 208–209]. Это, естественно, нашло отражение и в рязанском тексте иностранных травелогов.

3) Одним из самых известных и богатых по историко-этнографическому содержанию мемуарным источником иностранцев о России исследователи признают «Записки о делах Московитских» 1549 года Сигизмунда фон Герберштейна, австрийского дипломата, писателя и историка, посла императора Римской империи, дважды бывавшего на Руси в 1517 и 1526 годах. Целый ряд упоминаний и описаний Рязани времен ее полного присоединения к Москве (несмотря на неточности и путаницу в топографических наименованиях) делает труд Герберштейна самым исторически «привязанным» и информативно содержательным в отношении Рязанского княжества, в 1521 году утратившего статус самостоятельной территории, что не обходит вниманием и автор-иностранец в своих путевых впечатлениях [Герберштейн, 2008].

«Записки» Герберштейна послужили одним из источников для «Описания Московии» итальянца Александра Гваньини, который «по личным впечатлениям, беседам с очевидцами и чтению мемуаров его современников» создал свое оригинальное произведение, совместившее географо-этнографические описания с очерками военного дела и торговли, нравов и обычаев на Руси XVI века [Гваньини, 1997]. В полной мере влияние сочинения Герберштейна проявилось и в отрывке, посвященном Рязани.

4) Последний в этом ряду — иностранный травелог XVII века «Описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию» Адама Олеария, немецкого путешественника-ученого, придворного секретаря и советника Голштейнского посольства герцога Фридриха III, бывшего в Московском государстве в 1634 и 1636–1637 годах. Путевое описание Олеария пользовалось авторитетом как замечательное литературное явление XVII века, а также важнейший источник исторических, географических, топографических и этнографических сведений о Руси той эпохи; авторская точность, осведомленность и наблюдательность в полной мере проявились и в создании образа Рязани, которой посвящена последняя часть «Описания», имеющая форму дневниковой записи [Олеарий, 1986].

Судя по представленным текстам, Рязань в дорожном пространстве травелогов явно не являлась непосредственной целью для путешественников, а представляла собой место проезда по пути в другие края: «...мы проехали мимо местечка Рязань, бывшего раньше большим и даже главным городом целой провинции этого названия» [Олеарий, 1986, с. 416]; «...вступили мы, наконец, с благословением Божиим в землю Русскую, и первый предмет, представившийся нашим взорам при въезде в оную, была небольшая деревушка, окруженная лесом»; «Отправившись далее, прибыли мы в город Рязань <...> Подкрепив тут несколько силы свои, пустились мы далее, и под вечер остановились для ночлега в русской деревне, где спокойно отдохнули...» [Контарини, 1836, с. 104]. По причине этого данные описания чаще отличает субъективный или тенденциозный характер (не без преувеличений, противоречий и неточностей), который позволяет взглянуть на события прошлого глазами иностранцев-очевидцев, впервые открывающих для себя новый мир в лице Рязанского края с его природой и топографическими особенностями, историческими и политическими условиями существования, обычаями повседневного бытия и нравами местных

жителей. Хотя, следует признать, Рязанское княжество как таковое вряд ли привлекало их внимание в полном объеме и в XV, и в XVI, и в XVII веке. О нем сохранились, скорее, краткие и фрагментарные заметки, которые чаще стихийно фиксировались во время вынужденных и скорых остановок — этакий «каталог наблюдений», порой разнородных и даже неравноценных по значимости и объему, запечатлевший образ Рязани и рязанцев.

Пространственно-временной облик Рязани в иностранных травелогах XV–XVII веков

Пространственный образ Рязани создается, прежде всего, за счет концентрации сведений о географическом расположении и топографической специфике рязанской земли, причем сведения достаточно традиционны и повторяемы во всех источниках.

Географо-топографическое расположение Рязани четко обозначается по соотносительности или с городом Москвой, или с реками (Волгой, Москвой, Окой, Доном): «...Несколько далее встречается город Коломна, укрепленный подобно Рязани деревянными стенами. <...> За Коломною, в разстоянии трех дней пути, течет значительная река Москва, на которой стоит город того же имени...» [Барбаро, 1836, с. 57–58]; «Рязанская область расположена между Окой и рекой Танаисом [Доном], в ней есть деревянный город недалеко от берега Оки»; «Затем Рязань, отстоящая от Москвы на тридцать шесть немецких миль» [Герберштейн, 2008, т. 1, с. 303, 305]; «...несколько к западу между реками Окой и Танаисом лежит провинция Рязань» [Гваньини, 1997]; «Меня удивляет, почему Петрей желает поместить эту область к западу от Москвы, тогда как она, по собственному же его признанию, лежит между реками Ока и Дон, которые, однако, относительно Москвы лежат не к западу, а к востоку, куда направлено и течение их. Рязанская область лежит от Москвы к юго-востоку» [Олеарий, 1986, с. 417].

Соотнесение с реками, прежде всего с Окой, вряд ли можно посчитать случайным, так как водные пути в передвижении по Руси порой были предпочтительнее, нежели сухопутные, а зачастую служили главными транспортными маршрутами. Да и сама Ока, будучи главной водной магистралью, соединявшей Восток и Европу, издревле отличалась количеством торговых судов, проходящих по ней, не уступая в этом ни Волге, ни Дону, ни Днепру. Именно через Переяславль Рязанский к верховьям Дона, а далее — водным путем по Дону, Азовскому и Черному морям до столицы Византии, шли основные торговые пути, связывая русские земли с берегами Черного моря, Русь и Византийскую империю, Русь и азиатский Восток [Решетова, Тополова, 2012, с. 79]. На это указывал и С. Герберштейн: «...здесь купцы, отправляющиеся в Азов, Каффу, Константинополь, грузят свои корабли, что по большей части происходит осенью, в дождливую пору года...» [Герберштейн, 2008, т. 1, с. 305].

Более информативные описания Герберштейна (и повторяющего его Гваньини) расширяют представления о топографии Рязанского края, правда, не совсем умело и точно: «Была там и крепость, которая называлась Ярославом, от нее теперь остались одни следы. Недалеко от города река Ока образует остров, который называется Струб, некогда [великое] княжение, государь которого не был подвластен никому...» [Герберштейн, 2008, т. 1, с. 303, 305]; «В этой провинции есть деревянный город того же названия, расположенный на берегу реки Оки, а недалеко от этого города река Ока образует остров, который называется Струп; некогда на этом острове было большое княжество, глава которого никому не подчинялся...» [Гваньини]. Упоминание разрушенной «крепости Ярослав» есть не что иное, как указание на Переяславль Рязанский, с которым автор путает Старую Рязань (только в 1778 году Переяславль получит официальное название «Рязань» в честь разрушенной в XIII веке столицы древнего княжества). «Струб»/«Струп» — предположительно, Борковский остров между Окой и Трубежом с укрепленным торговым городом, который, по одной версии, назывался Судеревом (испорченное слово «остров», воспринятое иностранцем в качестве топонима), а по другой — является Стародубом (искаженное название реки Трубеж, в устье которой стоял Переяславль Рязанский) [Герберштейн, 2008, т. 2, с. 410].

Текст, связанный с Рязанью, в ряде травелогов может сужаться до локального текста города и даже Кремля. С одной стороны, он обнаруживает ошибку в наименованиях путешественниками-иностранцами Переяславля Рязанского Рязанью, а с другой — воспроизводит архитектурный облик города той эпохи, основанного на высоком естественном холме при слиянии двух рек — Трубежа и Лыбеди. Градостроительная характеристика создавалась с архитектурной доминантой; описывая панораму, развертывающуюся перед авторами-путешественниками, они акцентировали внимание на исторической части города, на ее архитектурных и церковных достопримечательностях. Прежде всего отмечается деревянный характер застройки Рязани (Переяславля Рязанского): «Несколько далее встречается город Коломна, укрепленный подобно Рязани деревянными стенами. В обоих этих городах

все строения деревянные, по недостатку каменного материала» [Барбаро, 1836, с. 57–58]; «Отправившись далее, прибыли мы в город Рязань <...> Все строения в этом городе, не исключая и самой крепости, — деревянные...» [Контарини, 1839, с. 104]; «Рязанская область расположена между Окой и рекой Танаисом [Доном], в ней есть деревянный город недалеко от берега Оки» [Герберштейн, 2008, т. 2, с. 303].

По письменным источникам и археологическим данным, Переяславль Рязанский, действительно, отличали и значительные по тем временам оборонительные сооружения, и главная часть города — Кремль, расположенный у слияния рек Трубеж и Лыбедь, и церковная архитектура Кремля — все это большей частью следовало традициям деревянного зодчества. Но известны среди деревянной застройки и созданные из камня: Глебовская башня — одна из двенадцати в дубовой стене Кремля, и Христорождественский собор конца XIV — начала XV века на кремлевской территории, в то время называвшийся Успенским и бывший усыпальницей рязанских князей и княгинь, и Архангельский собор конца XV века, являвшийся княжеской домовою церковью и усыпальницей рязанских архиереев.

Пространственный образ Рязани может не только сокращаться до локуса города и Кремля, но и, напротив, расширяться до размеров региона и до границ с другими княжествами, порой даже неотмеченных, к примеру: «В этот день мы прошли мимо различных небольших монастырей и деревень; это недалеко от Рязани: Село, л., Киструс, л., в 7 верстах, Обложицкий монастырь, в 3 верстах, Липовые Исады, пр., дворянская усадьба, в 2 верстах, Муратово, в 2 верстах, Калинино, в 1 версте, Пустополе, пр. — в 1 версте — деревня архиепископа рязанского, Новоселки, пр. в 3 верстах, Шилка, пр., в 2 верстах. <...> поездка шла мимо монастырей Терехина, л., в 10 верстах, Тыринской слободы, пр. в 10 верстах, Свинчуса, пр. в 8 верстах, и Копанов, пр. в 2 верстах, в 7 верстах, Курман, у в 7 верстах, потом к Гусь-реке, л., в 6 верстах, и другим деревням: Малеевой, пр. в 8 верстах, Габилонской, пр. в 2 верстах, и Бабину, пр. в 3 верстах; они лежат на веселом холме. Это татарский город, принадлежавший татарскому княжеству Касимову» [Олеарий, 1986, с. 417] и т. п.

Таким образом, выявление пространственных рязанских реалий — границ и маршрутов следования — позволяет уточнить, что термин «город» в иностранных травелогах чаще понимается в широком смысле: не только как центр — «кремль», — но и как окружавшие его к тому времени укрепленные посады. И столь же объемно используется топоним «Рязань» — как указание и на город, и на территорию самостоятельного княжества, и на географическую местность (в переводах — «область», «провинция» и т. п.). Помимо того, в данных фрагментах прослеживаются «пунктирные» указания на наиболее известные путнику пространственные ориентиры (или те, которые ему посчитали нужным показать), что закономерно в путевых описаниях, в центре внимания которых оказывается не столько маршрут, сколько отдельные, наиболее значимые (в том числе с авторской позиции) географо-топографические «точки». С другой стороны, именно так, бегло — «пунктиром», Рязань обозначается как соседнее с Москвой княжество и ее политический соперник, правда, соперник уже бывший. Для этого к рязанскому тексту в иностранных травелогах прибавляются уже другие эпизоды, скорее историко-политического характера, а пространственный облик Рязани дополняется временными характеристиками.

Так, в записках Барбаро и вслед за ним Контарини прочитывается исторический контекст эпохи постепенного перехода Рязанского княжества от самостоятельности под власть Москвы: «...город Рязань, подвластный одному из родственников Иоанна, великого князя Российского» [Барбаро, 1836, с. 57]; «...прибыли мы в город Рязань, принадлежащий одному князю, имеющему в супружестве сестру московского государя» [Контарини, 1836, с. 104]. В обоих источниках упоминается занимавший рязанский престол во второй половине XV века князь Василий Иванович, который по воле отца, великого князя рязанского Ивана Федоровича, умершего в 1456 году, с малолетства находился под опекуном великого Московского князя, вместе с сестрой Феодосией воспитывался в Москве. Только по достижении четырнадцатилетнего возраста Василий Иванович был возвращен в Рязань, где правил до 1483 года. Влияние Москвы на него было закреплено женитьбой на княгине [Анне Васильевне](#), младшей сестре Ивана III [Полное собрание русских летописей, 1949, т. XXV, с. 275, 278; 1962, т. XVIII, с. 334].

С этого же исторического факта начал свой генеалогический рассказ о Рязани второй половины XV — начала XVI века Сигизмунд Герберштейн: «В свое время Рязанью правил великий князь Василий, который женился на сестре Иоанна [Васильевича], великого князя московского, и прижил с ней сыновей Иоанна и Федора» [Герберштейн, 2008, т. 1, с. 305]. Это явно соответствует действительности, в отличие от других сообщений Герберштейна о рязанских князьях: князь Иван Васильевич, наследовавший престол после смерти отца, великого Рязанского князя Василия

Ивановича, женился не на «дочери князя Федора Бабича», а на Аграфене, дочери князя Василия [Герберштейн, 2008, т. 2, с. 412]; количество его сыновей различно: «родились сыновья Василий, Федор и Иоанн» [Там же]; а известие Герберштейна о соперничестве рязанских князей-братьев Федора Ивановича и Василия Ивановича исследователями до сих пор считаются ложным [Иловайский, 1858, с. 222 ; Зимин, 1972, с. 209], хотя некие политические разногласия между братьями все равно были [Герберштейн, 2008, т. 2, с. 412]; дополнительной идентификации потребовало и имя советника последнего рязанского князя Иоанна Иоанновича «Симеона Крубина» [Герберштейн, 2008, т. 1, с. 307] (идентифицирован А. А. Зиминим как Семен Иванович Коробьин, активно способствовавший «поиманию» рязанского князя в 1521–1522 годах).

Особое внимание в этом историческом ряду травелога уделено эпизоду полной потери Рязанью самостоятельности и независимости зимой 1520–1521 годов: последний великий Рязанский князь Иоанн Иоаннович (1496–1534), претендуя на то, чтобы ему позволили жить, «как (правили) его предки, никому не обязанные и свободно управлявшие [и владевшие княжеством]», был «посажен под домашний арест. Вслед за тем государь изгнал его мать, заточил ее в монастырь и занял [крепость и] княжество, а чтобы со временем не возникло среди рязанцев никакого мятежа, он расточил [значительную часть] их по разным поселениям», затем «Иоанн [в суматохе] ускользнул из-под стражи и убежал в Литву, где и жил в изгнании», а после 1534 года скончался [Герберштейн, 2008, т. 1, с. 307]. Не исключено, что сильные подозрения в отношении рязанца у Василия III вызвали его жалованные грамоты и переписка с Мухаммед-Гиреем; попытки примириться с Василием III при посредничестве митрополита Даниила, который за князя «печаловался», результата не дали [Герберштейн, 2008, т. 2, с. 412]. Вывод же иностранец-путешественник делает сам: «Этим было надломлено и подорвано могущество всего княжества» [Герберштейн, 2008, т. 1, с. 307] — так в 1521 году Рязанское княжество потеряло свою независимость и вошло в состав Московского государства, на что автор этого дорожного текста напрямую и указал.

Обязательным элементом рязанского текста в иностранных травелогах является описание Рязанского княжества как известного всем пограничья, упоминание его окраинного положения и порубежных набегов степняков, монголо-татар. Это объяснимо исторически: с 1388 по 1402 год — начала запустения южных земель княжества — зафиксировано семь нападений татар на Рязанское княжество, не считая походов Мамай и Тохтамыш, из них пять — безнаказанных; сохранялось такое положение дел до первой половины XVI века [Иловайский, 1858, с. 198]. К числу таких упоминаний относятся уточнения Герберштейна по поводу завершения под Рязанью трагического крымского похода 1521 года хана Мухаммед-Гирея [Герберштейн, 2008, т. 1, с. 391, 393, 415], а также многочисленные указания на набег монголо-татар и их присутствие по границам Рязанского княжества: «...на расстоянии пятнадцати дней пути встречаются по берегу реки бесчисленные племена татар. Они простираются до самых пределов России, на границе коей находится город Рязань...» [Барбаро, 1836, с. 57]; «...вступили мы, наконец, с благословением Божиим, в землю Русскую, и первый предмет, представившийся нашим взорам при въезде в оную, была небольшая деревушка, окруженная лесом. Жители этой деревушки... вышли... навстречу в большом страхе, опасаясь бывших с нами татар...» [Контарини, 1836, с. 103]; «...мы проехали мимо местечка Рязань... бывшего раньше большим и даже главным городом целой провинции этого названия. Но когда в 1568 году вторглись крымские татары и, избивая и пожигая, все опустошили, погиб и этот город. Так как, однако, эта провинция, расположенная между Окою и валом, построенным против татар, раньше была княжеством и, кроме того, будучи чрезвычайно плодородна, по хлебопашеству, скотоводству и дичи превосходит все соседние провинции [...] то царь, по опустошении ее, велел отовсюду собрать большое количество народу, всю страну вновь обработать и привести в прежний порядок» [Олеарий, 1986, с. 416].

В последнем отрывке Олеарий ошибочно обозначил нападение крымских татар 1568 года на Рязань причиной гибели первой столицы Рязанского княжества (называет ее уже просто «местечком») и переноса ее севернее — в Переяславль Рязанский, тогда как княжеский престол из Старой Рязани, в конце XVI века уже разоренной и запустевшей, был перенесен в Переяславль еще в XV столетии при великом Рязанском князе Олеге Ивановиче. Автор попытался разъяснить данный вопрос, но, представляется, внес еще большую путаницу: «Так как для постройки города Рязани они нашли более удобное место, а именно то, где теперь лежит в 8 милях от [старой] Рязани Переяславль, то они и перенесли сюда оставшийся материал зданий и построили совершенно новый город. Он называется Переяславлем Рязанским, так как большинство и наиболее выдающиеся из лиц, которые его строили и населяли, были из Переяславля, лежащего столь же далеко от Москвы к северу, как этот город лежит к югу» [Олеарий, 1986, с. 416]. Отметим, что Переяславль располагался не в 8 милях от Старой Рязани (а в 50 км выше по Оке), да и вряд ли его месторасположение можно

назвать более удобным. Смешение данных топонимов достаточно типично для авторов-иностранцев: не только Олеарий, но и Барбаро и Контарини описывают Переяславль Рязанский, называя его при этом Рязанью, в труде Герберштейна совмещаются известия о Старой Рязани и Переяславле Рязанском. Действительно, неофициально Переяславль могли называть Рязанью и сами местные жители еще до указа Екатерины II о переименовании Переяславля в Рязань, хотя на Руси подобная путаница не допускалась: если Переяславль Рязанский был в то время главным городом княжества, которому передавались все столичные и кафедральные функции, то Рязань — небольшим поселением, которое с XIII века, по причине его близости к степи, все более утрачивало прежний статус и постепенно запустевало [Монгайт, 1961, с. 320].

Точность и реалистичность данных фрагментов могут вызывать сомнения, несмотря на то, что травелог как жанр художественно-документальный предполагает установку на достоверность сообщаемых фактов и исторических сведений. Однако, учитывая авторскую специфику повествования, отмечаем, что определенные погрешности в таких описаниях вполне допустимы и даже закономерны: «...образ пространства в травелоге не обязательно адекватен реальному пространству. Повествователи искажают пропорции, расстояния, изымают из пространства некоторые объекты, чтобы приблизить другие объекты, наиболее значимые для него» [Милюгина, Строганов, 2013, с. 105]. Именно так, в отдельных фактах локальной истории, в том числе художественно и авторски адаптированных, отражается история государства в целом.

Локус «Рязань» в восприятии иностранцев авторов травелогов XV–XVII веков

Дополнительные детали к пространственно-временному образу Рязани привносят особенности ее топографии и ландшафта, представленные в рязанских «репликах» иностранных травелогов. Так, неизменно упоминаются богатейшие рязанские лесные массивы, «огромные леса», что придает этой земле особый дух: «...вообще лесиста и довольно населена» [Барбаро, 1836, с. 57]; «...вступили мы наконец, с благословением Божиим, в землю Русскую, и первый предмет, представившийся нашим взорам при въезде в оную, была небольшая деревушка, окруженная лесом» [Контарини, 1836, с. 103]. Издревле рязанские земли славились богатыми природными ресурсами, а рязанцы занимались [земледелием](#) и [охотой](#), [рыболовством](#) и [бортничеством](#), а также активной торговлей, что не могли не заметить путешественники-иностранцы. По этой причине были воссозданы картины плодородной, хлебосольной Рязани, которая «раньше была княжеством и, кроме того, будучи чрезвычайно плодородна, по хлебопашеству, скотоводству и дичи превосходит все соседние провинции...» [Олеарий, 1986, с. 416]; «Страна их изобилует хлебом, скотом, медом и другими ценными произведениями... В Рязани приготавливают особенный напиток вроде нашего пива, называемый бузою (брага)» [Барбаро, 1836, с. 57]; «Жители этой деревушки... вышли... и принесли несколько сотового меду... Это пособие пришло весьма кстати, ибо все мы до такой степени отоцали от продолжительного пути, что едва могли держаться на лошадях»; «Здесь мы в изобилии нашли хлеб, мясо и напиток, приготавливаемый из меду» [Контарини, 1836, с. 103–104] (мед с хмелем как традиционный для русских напитков не раз упоминает А. Контарини [Там же, с. 111]).

Особенно щедр на описания подобного рода Герберштейн: «...Рязань плодороднее всех прочих областей Московии; говорят, здесь из каждого зерна вырастают два, а иногда и больше колосьев; стебли их растут так густо, что ни лошади пройти через них, ни перепела вылететь из них не могут без известного труда. Там великое изобилие меду, рыб, птиц и зверей, а древесные плоды гораздо превосходнее московских» [Герберштейн, 2008, т. 1, с. 305]. То же за ним повторяет и А. Гваньини: «Это княжество плодороднее всех других провинций Московии; там отдельные зерна хлеба обыкновенно рождают по два и больше колосьев, стебли которых растут так густо, что сквозь них не без труда пробираются лошади и не могут взлететь перепела; меда, рыбы, птицы и диких зверей там великое множество, а плоды деревьев гораздо знаменитее плодов из Московии» [Гваньини, 1997]. Так указывается на богатство природных ресурсов по Оке, что, безусловно, обеспечивало мобильность рязанского населения и способствовало благосостоянию рязанского пограничья. Эта идиллия в иностранных дорожных текстах, несмотря на скудость этнографических описаний, подтверждается дошедшими до нас летописными сведениями, грамотами, жалованными духовенству на разные поместья, в которых речь идет о бортных угодьях, о пожнях и нивах, о бобровых угонах и рыбной ловле, о богатой флоре и фауне на пустынных берегах и т. п.

При этом не обойден вниманием и облик рязанского жителя, который в исполнении европейских путешественников выглядит весьма двойственно. С одной стороны, был не раз упомянут бесконечно «большой страх», давний «трепет», который уже традиционно переживали

рязанцы перед татарами и который вынуждал ко всем иноземцам относиться настороженно: «Жители этой деревушки... вышли... навстречу в большом страхе, опасаясь бывших с нами татар» [Контарини, 1836, с. 103]. С другой стороны, звучат достаточно лестные отзывы о жителях рязанских земель: «...народ там в высшей степени смелый и воинственный» [Герберштейн, 2008, т. 1, с. 305]. Такая оценка, проникнутая эмоциональной окраской, была вполне оправдана тем положением, которое занимала Рязанская земля во времена междоусобиц и нападений извне: путь от Оки до Дона, которым по обыкновению шли и путешественники, и странники, был опасен из-за монголо-татар, которые также встречались в этих землях, и разбойников — беглых людей, промышлявших грабежом.

Впечатлившая иностранных авторов патриархальность бытия местных жителей, повседневный труд (хлебопашество и скотоводство, охота и бортничество), ведущий к «великому изобилию», упорное, на многие столетия, противостояние угрозе извне обозначаются как устойчивые атрибуты жизни Рязанской земли, плодородной и гостеприимной. В этом же контексте звучит указание на православную веру рязанцев: «Жители здесь все христиане и исповедуют веру Греческую...» [Барбаро, 1836, с. 57]. Это наблюдение, однако, не только свидетельствует о крепости веры местных жителей и их приверженности традиционным вероисповедальным ценностям, но и, по замечанию Д. В. Губина, «имеет прямое отношение к рязанской книжной культуре XV века, поскольку христианский образ жизни и православная литургия были основаны на душеполезной (четьей) и богослужебной книге» [Губин, 2004, с. 21]. Так в пределах рязанского текста создается «стабильный образный ряд», хотя и с позиции утилитарно-прагматической, с набором устойчивых мотивов; складываются представления в целом об изобильной и мирной жизни провинциальной Руси; намечается образ провинции как дополнительного ресурса столицы.

Таким образом, рязанский текст образует особый пространственно-временной образ Рязани, опираясь на краткие или более пространственные сведения: о географическом расположении и специфике топографии Рязанской земли, о ее недавнем историческом прошлом (например, о набегах татар на порубежную Рязань или неподвластном никому князе Олеге Рязанском) или политическом состоянии настоящего времени (к примеру, о временах упадка Рязанского княжества в XV веке, теряющего самостоятельность), а также об этнографической и хозяйственной специфике региона, связанной с климатом и плодородием занятых земель. Расположение Рязанского региона осознается иностранными авторами, исходя из знаковых реалий: нахождение между Москвой, претендующей на правящую позицию, и окраинными рубежами, открытыми для степняков, что и обуславливает акценты в рязанских описаниях травелогов. По сути, так закладывалась основа для восприятия Рязани как некоего провинциального локуса со своей пространственно-временной спецификой, героическими и трагическими страницами в истории земли. Отметим — не только в иностранных по происхождению источниках.

Заключение

Исследование рязанского текста в иностранных травелогах XV–XVII веков (И. Барбаро, А. Контарини, С. Герберштейн, А. Гваньини, А. Олеария) с теоретико-методологических позиций современного регионального литературоведения позволяет сделать ряд выводов. Рязанская земля в данных источниках, безусловно, требующих дополнительных проверок на достоверность, воспринимается иностранными путешественниками как пространство с особой локальной семантикой — с *чужими*, чуждыми им историей и политическим устройством, сложившимся укладом и традиционным сознанием, при этом по-своему переосмысливается при создании картины нового для них географического и хронотопического пространства. Ощущаемая авторами «инаковость» проявляется прежде всего в остром интересе к «иному» миру, традиции и ментальности незнакомой ранее земли, в настойчивом акцентировании оппозиции «свое/чужое», что в допетровские времена было абсолютно очевидным при описании Руси на фоне пространства европейского.

Рязань тем не менее воспринимается как часть юго-восточных земель Руси XV–XVII веков и впоследствии — часть Московского государства, несмотря на историко-политические перипетии на протяжении многих десятилетий, ставшие известными в том числе транзитным путешественникам с дипломатическим статусом. Краткие и фрагментарные заметки и пространственные описания иностранных травелогов, в которых фиксировался «каталог наблюдений», разнородных и неравнозначных, сделанных во время остановок, запечатлели образ Рязанского края с его географо-топографическими особенностями и реалиями рязанского ландшафта и природы, историческими и политическими условиями бытия прошлого и настоящего, после монголо-татарского нашествия и в противостоянии с Москвой, укладом и нравами рязанцев.

Нередко их субъективный характер (с преувеличениями/противоречиями) дает возможность увидеть описываемое пространство в контексте прошлого и настоящего глазами иностранцев-очевидцев, по-своему открывающих для себя новый мир. Травелог оказался наиболее подходящей для этого формой, позволяющей художественно осмысливать действительность и обращать внимание как на исключительные, так и на очевидные/обыденные детали и реалии с целью создания новой картины ранее неизвестного «иног» пространства. В результате речь идет об особом «образе места», в том числе в его историко-мифологическом контексте, дополненном новыми смысловыми и эмоциональными оттенками.

Локус «Рязань» при этом воспринимается с разных точек зрения: и как объемная территория в пограничных пределах Руси, и как место многочисленных транзитных путей, идущих в Дикое поле и, в конечном итоге, связывающих Русь и Византийскую империю, Русь и азиатский Восток, и как княжество, обладающее своей историей, в том числе трагической, потерявшее былое величие и независимость, и как город, на идентификацию которого влияет понимание того, какой именно топоним имеется в виду: Старая Рязань или Переяславль Рязанский. Символическое пространство Рязани, таким образом, воспринимается двойственно: с одной стороны, как пограничье, существующее в ситуации постоянной опасности, окраинное положение которого влияет на менталитет местных жителей, а с другой — как некогда сильный противник и оппонент Московского княжества, в былые времена претендующий на столичный статус, но в современности лишившийся могущества. В связи с этим реалии рязанской истории и политики, культуры и этнографии приобретают знаковую функцию, невольно или сознательно воспринимаются и осмысливаются как знаки, репрезентирующие локус Рязани.

Исследование, проведенное в контексте регионального литературоведения, позволяет следующим образом обозначить его результаты: локальный текст, в данном случае рязанский текст, составляющий содержание иностранных травелогов XV–XVII веков, прочитывается как исторически и топографически значимый, создающий новую картину определенной эпохи и пространства, так и имеющий вневременную и внепространственную ценность.

Список источников

1. Абашев В. В. Пермский текст в русской культуре и литературе XX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01. — Екатеринбург, 2000. — 41 с.
2. Абашев В. В. Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века. — Пермь, 2008. — 492 [3] с.
3. Барбаро И. Путешествие в Тану Иосафата Барбаро, венецианского дворянина // Библиотека иностранных писателей о России. Труды В. Семенова. — Отделение 1. — СПб. : изданием М. Калистратова, 1836. — Т. 1. — XVI+156 с.
4. Бочаров Д. В., Грачева И. В., Чапышкин В. А. Очерки истории литературы Рязанского края. — Рязань : Изд-во РГПУ, 1996. — 207 с.
5. Гваньини А. Описание Московии / пер. с лат. ; ввод. ст. и коммент. Г. Г. Козловой. — М. : Наука, 1997. — URL : <https://www.vostlit.info/Texts/rus5/Gwagnini/frameset1.htm> (дата обращения: 20.12.2022).
6. Герберштейн С. Записки о Московии : в 2 т. / под ред. А. Л. Хорошкевич. — М. : Памятники ист. мысли, 2008. — Т. 1. — 776 с. ; Т. 2. — 656 с.
7. Грачева И. В., Бочаров Д. В., Чапышкин В. А. Рязанский край в историко-литературном контексте России : учеб. пособие. — Рязань : Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2012. — 160 с.
8. Губин Д. В. Рукописные книги РИАМЗ XVI–XVII веков и вопросы рязанской книжности // Труды Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника : сб. науч. ст. — Вып. 2. — Рязань : Изд-во РИАМЗ, 2004. — С. 16–34.
9. Зимин А. А. Россия на пороге нового времени: очерки политической истории России первой трети XVI в. — М. : Мысль, 1972. — 452 с.
10. «И были полки Ольговы...»: свод летописных известий о Рязанском крае и сопредельных землях до 50-х годов XVI в. / сост. А. И. Цепков. — М. : ПрогрессКультура, 1994. — 512 с.
11. Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. — М. : Ун-я тип., 1858. — Гл. VII.
12. Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. — М. : Прометей, 1991. — 334 с.
13. Контарини А. Путешествие Амвросия Контарини, посла Светлейшей Венецианской Республики, к знаменитому персидскому государю Узун-Гасану, совершилось в 1473 г. // Библиотека иностранных писателей о России. Труды В. Семенова. — Отделение 1. — СПб. : изданием М. Калистратова, 1836. — Т. 1. — 192 с.
14. Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Русская культура в зеркале путешествий : моногр. — Тверь : Тверской гос. ун-т, 2013. — 176 с.
15. Монгайт А. Л. Рязанская земля. — М. : Изд-во АН СССР, 1961. — 400 с.

16. Олеарий А. Описание путешествия в Московию // Россия XV–XVII в. глазами иностранцев / под ред. Ю. А. Лимонова. — Л. : Лениздат, 1986. — С. 287–470.
17. По следам древних культур: Древняя Русь : [сб. ст.] / [предисл. Б. А. Рыбакова]. — М. : Госкультпросветиздат, 1953. — 360 с.
18. Полное собрание русских летописей. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1841-. — Т. XXV: Московский летописный свод конца XV века. — 1949. — 463 с. ; Т. XXVIII: Летописный свод 1497. Летописный свод 1518. — 1962. — 411 с.
19. Решетова А. А., Тополова О. С. Рязанские реалии в «Путешествии Игнатия Смоленского в Константинополь» // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. — 2012. — Вып. 2 (35). — С. 77–95.
20. Решетова А. А. Рязанский текст как предмет филологического исследования // Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина: вековая история как фундамент дальнейшего развития : материалы конф. / отв. ред. М. Н. Махмудов. — Рязань : Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2015. — С. 732–737.
21. Решетова А. А. Проблемы и методология исследования рязанского текста // Слово. Словесность. Словесник : материалы межрегион. науч.-практ. конф. преподавателей и студентов / отв. ред. А. А. Решетова, Т. В. Федосеева. — Рязань, 2016. — Вып. 3, ч. 2. — С. 49–54.
22. Решетова А. А., Грачева И. В. Рязанский текст в метатексте культуры Древней Руси // История и теория русской литературы : учеб. пособие / под ред. А. А. Решетовой, Т. В. Федосеевой. — Рязань, 2017. — С. 153–176.
23. Рязанский край в контексте русской литературы: очерки регионального литературоведения / под ред. А. А. Решетовой, Т. В. Федосеевой. — Рязань : Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2017. — 208 с.
24. Сорочан А. Ю. Тверской край в литературе: образ региона и региональные образы. — Тверь : Изд-во М. Батасовой, 2010. — 171 с.
25. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: избранные труды. — СПб. : Искусство, 2003. — 616 с.

References

1. Abashev V. V. *Permskiy tekst v russkoy kulture i literature XX veka: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.01.01* [Perm text in Russian culture and literature of the XX century: dissertation abstract of Dr. of Philology: 10.01.01]. Yekaterinburg, 2000, 41 p. (In Russian).
2. Abashev V. V. *Perm kak tekst: Perm v russkoy kulture i literature XX veka* [Perm as a text: Perm in Russian culture and literature of the XX century]. Perm, 2008, 492 [3] p. (In Russian).
3. Barbaro G. Journey to Tana of Giosafat Barbaro, a Venetian nobleman. *Biblioteka inostrannykh pisateley o Rossii. Trudami V. Semenova. Otdeleniye I* [Library of foreign writers about Russia. Established by V. Semenov. Part 1]. St. Petersburg, Publ. by M. Kalistratov, 1836, vol. 1, XVI + 156 p. (In Russian).
4. Bocharov D. V., Gracheva I. V., Chapyshkin V. A. *Ocherki istorii literatury Ryazanskogo kraya* [Essays on literary history of Ryazan Region]. Ryazan, Ryazan State Pedagogical University Publ., 1996, 207 p. (In Russian).
5. Guagnini A. *Opisaniye Moskovii* [Description of Muscovy]. Transl. from Latin, preface and commentary by G. G. Kozlova. Moscow, Nauka Publ., 1997. Available at: <https://www.vostlit.info/Texts/rus5/Gwagnini/frames1.htm> (accessed: 20.12.2022). (In Russian).
6. Herberstein S. *Zapiski o Moskovii: v 2 t.* [Notes on Muscovy: in 2 vols.] Ed. A. L. Khoroshkevich. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2008, vol. 1, 776 p.; vol. 2, 656 p. (In Russian).
7. Gracheva I. V., Bocharov D. V., Chapyshkin V. A. *Ryazanskiy kray v istoriko-literaturnom kontekste Rossii: ucheb. posobiye* [Ryazan Region in the historical and literary context of Russia: textbook]. Ryazan, Ryazan State University named for S. A. Yesenin Publ., 2012, 160 p. (In Russian).
8. Gubin D. V. Manuscript books of the 16th–17th cc. in RIAMZ and issues of Ryazan book writing. *Trudy Ryazanskogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya-zapovednika: sb. nauch. st.* [Proceedings of Ryazan Historical and Architectural Museum-Reserve: coll. of scientific articles]. Iss. 2. Ryazan, RIAMZ Publ., 2004, pp. 16–34. (In Russian).
9. Zimin A. A. *Rossiya na poroge novogo vremeni: ocherki politicheskoy istorii Rossii pervoy treti XVI v.* [Russia on the threshold of a new time: essays on political history of Russia in the first third of the 16th century]. Moscow, Mysl Publ., 1972, 452 p. (In Russian).
10. *“I byli polki Olgovy...”: svod letopisnykh izvestiy o Ryazanskom kraye i sopredelnykh zemlyakh do 50-kh godov XVI v.* [“And there came Oleg’s hosts...”: a collection of chronicle records about the Ryazan Region and adjacent lands before the 1550s.]. Comp. A. I. Tsepkov. Moscow, ProgressKultura Publ., 1994, 512 p. (In Russian).
11. Ilovaysky D. I. *Istoriya Ryazanskogo knyazhestva* [History of the Ryazan Principality]. Moscow, University Publ., 1858, chapter VII. (In Russian).
12. Klyuchevsky V. O. *Skazaniya inostrantsev o Moskovskom gosudarstve* [Tales of foreigners about the Moscow State]. Moscow, Prometheus Publ., 1991, 334 p. (In Russian).
13. Contarini A. The journey of Ambrogio Contarini, Ambassador of the Most Serene Republic of Venice, to the famous Persian sovereign Uzun-Hasan, which took place in 1473. *Biblioteka inostrannykh pisateley o Rossii. Trudami V. Semenova. Otdeleniye I* [Library of foreign writers about Russia. Established by V. Semenov. Part 1]. St. Petersburg, Publ. by M. Kalistratov, 1836, vol. 1, 192 p. (In Russian).

14. Milyugina E. G., Stroganov M. V. *Russkaya kultura v zerkale puteshestviy: monogr.* [Russian culture through the mirror of travel: monograph]. Tver, Tver State University Publ., 2013, 176 p. (In Russian).
15. Mongait A. L. *Ryazanskaya zemlya* [Ryazan Land]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1961, 400 p. (In Russian).
16. Olearius A. Description of the journey to Muscovy. *Rossiya XV–XVII v. glazami inostrantsev* [Russia in XV–XVII centuries through foreigners' eyes]. Ed. Yu. A. Limonov. Leningrad, Lenizdat Publ., 1986, pp. 287–470. (In Russian).
17. *Po sledam drevnikh kultur: Drevnyaya Rus': sb. st.* [Tracing ancient cultures: Ancient Rus': collection of articles]. Foreword by B. A. Rybakov. Moscow, Goskultprosvetizdat Publ., 1953, 360 p. (In Russian).
18. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey* [Complete collection of Russian chronicles]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1841-. Vol. XXV: Moscow chronicle of the end of the XV century. 1949, 463 p.; vol. XXVIII: Chronicle of 1497. Chronicle of 1518. 1962, 411 p. (In Russian).
19. Reshetova A. A., Topolova O. S. Ryazan realia in the “Journey of Ignatius of Smolensk to Constantinople”. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Yesenina* [Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin]. 2012, iss. 2 (35), pp. 77–95. (In Russian).
20. Reshetova A. A. Ryazan text as a subject of philological research. *Ryazanskiy gosudarstvennyy universitet imeni S. A. Yesenina: vekovaya istoriya kak fundament dalneyshego razvitiya: materialy konf.* [Ryazan State University named for S. A. Yesenin: history of centuries as a basis for further development: materials of the conference]. Ed. By M. N. Makhmudov. Ryazan, Ryazan State University named for S. A. Yesenin, 2015, pp. 732–737. (In Russian).
21. Reshetova A. A. Problems and methodology of the study of Ryazan texts. *Slovo. Slovesnost. Slovesnik: materialy mezhhregion. nauch.-prakt. konf. prepodavateley i studentov* [Word. Literature. Philologist: materials of interregional. scientific-practical. conf. of lecturers and students]. Ed. by A. A. Reshetova, T. V. Fedoseeva. Ryazan, 2016, iss. 3, part 2, pp. 49–54. (In Russian).
22. Reshetova A. A., Gracheva I. V. Ryazan text in the metatext of the culture of Ancient Rus'. *Istoriya i teoriya russkoy literatury : ucheb. posobiye* [History and theory of Russian literature: textbook]. Ed. by A. A. Reshetova, T. V. Fedoseeva. Ryazan, 2017, pp. 153–176. (In Russian).
23. *Ryazanskiy kray v kontekste russkoy literatury: ocherki regionalnogo literaturovedeniya* [Ryazan Region within the context of Russian literature: essays on regional literary studies]. Ed. by A. A. Reshetova, T. V. Fedoseeva. Ryazan, Ryazan State University named for S. A. Yesenin, 2017, 208 p. (In Russian).
24. Sorochan A. Yu. *Tverskoy kray v literature: obraz regiona i regionalnyye obrazy* [Tver Region in literature: the image of the region and regional images]. Tver, M. Batasova Publ., 2010, 171 p. (In Russian).
25. Toporov V. N. *Peterburgskiy tekst russkoy literatury: izbrannyye trudy* [Petersburg text in Russian literature: selected works]. St. Petersburg, Iskustvo Publ., 2003, 616 p. (In Russian).

Информация об авторе

Решетова Анна Анатольевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой литературы и журналистики Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Сфера научных интересов: словесность Древней Руси, путевая литература Древней Руси и XVIII века, связи словесности Древней Руси с литературой последующих столетий, региональное литературоведение и проблемы литературной рецепции.

Information about the author

Reshetova Anna Anatolyevna — doctor of philology, professor, head of the Department of Literature and Journalism, Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Research interests: literature of Ancient Rus', travel writing in Ancient Rus' and 18th century, relations of literature of Ancient Rus' and later literature, regional literary criticism and issues of literary reception.

Статья поступила в редакцию 15.01.2023; принята к публикации 28.02.2023.

The article was submitted 15.01.2023; accepted for publication 25.02.2023.